

Я женщина, услышь мой крик¹...

¹ Строка из песни «I am a woman», написанной певицей и композитором Хелен Редди в соавторстве с музыкантом Рэем Бертоном в 1971 году. — *Здесь и далее прим. ред.*

Содержание

1. Женщина, которая медленно исчезала	11
2. Женщина, которую держали на полке	28
3. Женщина, у которой выросли крылья	37
4. Женщина, которую вскормила утка	45
5. Женщина, которая находила следы укусов у себя на коже	54
6. Женщина, которая думала, что ее зеркало сломано	68
7. Женщина, которая провалилась сквозь пол и встретила внизу много других женщин	82
8. Женщина, которая шепелявила	97
9. Женщина, которая ела фотографии	105
10. Женщина, которая забыла, как ее зовут	114
11. Женщина, у которой тикали часы	129
12. Женщина, которая посеяла зерна сомнения	138
13. Женщина, которая вернула и обменяла своего мужа	152
14. Женщина, которая лишилась здравого смысла	172
15. Женщина, которая носила обувь мужа	180

16. Женщина, в голове у которой было птичье перо	193
17. Женщина, которая носила сердце на рукаве	206
18. Женщина, которая носила розовый	215
19. Женщина, которую унесло ветром	236
20. Женщина, у которой был сильный костюм	244
21. Женщина, которая говорила по-женски	256
22. Женщина, которая нашла целый мир в устрице	269
23. Женщина, которая берегла гонады	278
24. Женщина, которую держали в ячейке	284
25. Женщина, которая села в повозку с музыкантами	293
26. Женщина, которая заулыбалась	306
27. Женщина, которая думала, что трава на другой стороне зеленее	310
28. Женщина, которая размоталась	319
29. Женщина, которая собирала вишни	330
30. Женщина, которая ревела	338

*Женщина, которая медленно
исчезала*

Постучав, медсестра Рада входит и аккуратно закрывает за собой дверь.

— Я здесь, — тихо говорит она.

Рада оглядывает палату, пытаясь определить, откуда раздается голос.

— Я здесь, я здесь, я здесь, я здесь, — твердит голос, пока медсестра шарит взглядом по всем углам.

Где-то возле окна... Взгляд ее упирается в белые разводы на стекле — это дождем за три дня размыло птичий помет. Нет, надо ниже и правее.

Она тихо вздыхает, сидя на подоконнике. Окно выходит на университетский городок. Она легла в университетскую клинику, надеясь, что ее здесь вылечат. Как бы не так! Шесть месяцев она провела здесь в качестве лабораторной крысы. Все эти ученые доктора только зря измучили ее, ис-

кололи и истыкали, в напрасных попытках выяснить, что с ней не так и что с этим делать.

У нее нашли редкое генетическое расстройство, которое провоцирует прозрачность хромосом. Нельзя сказать, что они разрушались, мутировали или еще что-нибудь — функции ее органов были в полном порядке, все анализы показывали норму, она просто становилась невидимой.

Это происходило постепенно, вначале едва заметно. «Ой, простите, я вас не видел», — то и дело приходилось слышать ей, когда ее толкали, об нее спотыкались или наступали ей на ноги. Она не обращала внимания, потому что давно привыкла к таким вещам.

Все ее тело исчезало равномерно. Не то чтобы у нее вдруг не стало руки, пальца или уха, нет, она вся целиком словно растворялась в воздухе, трепетала, как жаркая дымка над хайвеем — такая нерезко очерченная форма с дрожащей серединой. Если только приглядеться, то можно было ее рассмотреть — в зависимости от фона и окружения, причем чем больше предметов находилось в комнате и чем ярче была обстановка, тем заметнее она казалась. Возле белой стены она была практически невидимой. Для дома она выбирала обои с ярким рисунком и цветную обивку для мебели — на таком фоне ее фигура маячила в виде размытого пятна, вынуждая людей напрягать зрение. Так она, можно сказать, боролась за существование.

Ученые и врачи на протяжении многих месяцев исследовали ее феномен, журналисты брали у нее интервью, фотографы так и этак колдовали с освещением, чтобы запечатлеть ее на фотографии. Но ей ничего не помогало. Некоторые из них были очень милы, однако как бы хорошо окружающие к ней ни относились, по мере усугубления ее состояния их симпатия сменялась банальным любопытством. Она таяла на глазах, и никто на свете, даже самые лучшие специалисты, не знали почему.

— Вам письмо, — сказала Рада, нарушая ее мысли.

— Спасибо. Положите на кровать.

— Мне кажется, вам захочется прочитать это прямо сейчас, — продолжает Рада.

Вот как? Интересно. Она встряхивается и снова, как учили, тихо шелестит:

— Я здесь, я здесь, я здесь.. — Рада подходит на голос и протягивает в воздух руку с хрустящим конвертом.

— Спасибо, — благодарит она и берет конверт. Бумага цвета пепельная роза — как приглашение на день рождения в ее детстве. Она даже чувствует что-то вроде нетерпения, хотя в детстве ее почти никуда не приглашали.

Она была тихим, незаметным ребенком, из тех, что сливаются с пейзажем как хамелеоны. Только у нее это выходило против воли. Наоборот, она изо всех сил старалась быть замеченной, но чем больше старалась, тем меньше на нее обращали

внимание. Чрезмерное старание понравиться отвращает — как она под конец поняла. Так или иначе, она не была из компанейских детей, для кого вечеринки или шатание с друзьями — обычное дело. Ей приходилось чуть ли не навязываться, хватать прохожих за рукав и кричать: «Посмотрите на меня!» Надо было стучать им в спины и махать руками у них под носом, чтобы они обратили внимание. Она не претендовала на исключительность, она хотела быть... как все.

Она слышала, что детство называют золотой порой, но сама считала это преувеличением. Шрамы ее детства остались с ней на всю жизнь. Ее считали робкой, но, будь у нее хоть малейшая возможность доказать, что это не так, она бы ее не упустила. Но шанса так и не представилось. У нее не было друга, чтобы помочь ей раскрыться, ей не с кем было даже поговорить. И она черпала силы в своем одиночестве, одиночество было ее зоной комфорта. Ее психотерапевт часто возвращается к этому вопросу, считая, что это поворотный момент, точка отсчета, после которой ее тело начало исчезать. Одиночество в детстве, чувство отверженности.

Она не замужем, и детей у нее нет. Не то чтобы она не хотела, просто так получилось.

Она не упивается жалостью к себе, она знает, что сама ответственна за свою судьбу. Но в последнее время что-то изменилось. Она увлеклась самокопанием, она задумывается о том, кто она, анализирует свой образ мыслей в попытках

понять, как ее угораздило. Она вспоминает, что с детства всегда стояла и наблюдала за проходящей стороной жизнью, ожидая, что и она вот-вот вольется, заживет сама. Она все время ждала понедельника, чтобы начать жить заново. Наступал понедельник, но не такой, которого она ожидала, и она ждала следующего, надеясь, что он-то будет другой. Что ж, теперь точно все по-другому.

Исчезать физически не больно — эмоционально это гораздо сложнее вынести.

Три года назад, когда она начала реально растворяться в воздухе, ей то и дело говорили: «Я тебя не видел». Или: «Я не заметил, как ты проскочила». И чем дальше, тем хуже, и это тревожило ее. Во время беседы коллеги, бывало, прерывались, чтобы повторить ей все с самого начала, будто она только что подошла, хотя она все время была рядом. Ей надоело напоминать им. Она стала ярче одеваться, покрасила волосы, говорила громко, вступала в дискуссии, нарочно топала, когда ходила, — шла на все, дабы выделиться. Ей хотелось брать людей за головы и насильно поворачивать к себе — лишь бы ее заметили, посмотрели ей в глаза. Впору было закричать: посмотрите же на меня! Ее то и дело игнорировали возле барных стоек, в очередях, повсюду.

В худшие из дней она возвращалась домой совершенно отчаявшись. Она смотрелась в зеркало, дабы убедиться, что она еще существует, и носила с собой карманное зеркало на тот случай, когда ей казалось, что она растворилась без остатка.

Она была своим злейшим врагом. Если ей улыбались, оказывали иные знаки внимания, заговаривали с ней или приглашали куда-нибудь, она вцеплялась в эту возможность зубами, становилась назойливой и навязчивой. Стараясь удержать людей, убедиться, что она им нравится, она добивалась только отвращения. Сознавая, что ведет себя, мягко говоря, странно, вины за собой она не ощущала. Она изголодалась по компании, по вниманию посторонних — не коллег и не родственников, — так что, когда ей выпадал шанс полакомиться новым знакомством, она торопливо и жадно заглатывала его большими кусками, потому что не знала, долго ли придется ждать следующего. Не сразу она догадалась, что навязчивость отпугивает людей и мешает продолжению отношений.

Она выросла в Бостоне и переехала в Нью-Йорк. Она думала, что город в восемь миллионов жителей — это идеальное место, чтобы завести друзей, найти любовь, начать новую жизнь. Но оказалось, что чем больше людей вокруг, тем более одинокой она себя чувствует, потому что среди чужих одиночество усиливается.

Она работает в KPMG. Это международная финансовая компания со 150 тысячами сотрудников в 156 странах. Ее офисное здание находится на Парк-авеню, где у нее почти три тысячи коллег, которые плохо ее видят. Психологи разобрали ее детство по кирпичикам, стараясь отыскать причину. Она была единственным обо-

жаемым ребенком эксцентричных родителей. Ее отец-композитор и мать-скрипачка познакомились на концерте Бостонского симфонического оркестра на музыкальном фестивале в Танглвуде летом 1959 года. В раннем детстве она объездила с ними весь мир. Она была центром их вселенной. Они водили ее в театры, музеи, на балет, оперу, брали с собой в гости к друзьям-артистам. Там она бывала самая младшая, но никто не обращался с ней покровительственно, свысока, и взрослые при ней могли обсуждать любые вопросы. Она все видела и слышала.

Она знала, что ее любят и обожают. Она чувствовала это. Ее хвалили. В компании родителей и их друзей она расцветала — в *их* компании, где она была дома. Но в собственной жизни все оказалось сложнее. Заводить собственные знакомства вне этого мира было не так просто. В школе, в колледже, на работе, в жизни общение у нее не ладились.

Родители обвиняли себя. Говорили, что надо было раньше поощрять ее к самостоятельности и воспитывать, как воспитывают всех обычных детей — укладывать в восемь вечера и поднимать в семь утра, а не таскать по театрам и богемным вечеринкам за полночь. Напрасно они брали ее с собой на гастроли, напрасно она простаивала ночи напролет в очередях за билетами в Карнеги-холл вместо того, чтобы ездить со сверстниками в летние лагеря. Когда она говорила им, что никогда ей не было так хорошо, как в те дни и ночи,

что она проводила среди их друзей, они только тревожно переглядывались. Это все их вина. Они вырастили ее такой.

Иногда ей и впрямь хотелось стать невидимкой. Ей едва исполнилось тридцать восемь, когда у нее наступила менопауза. Перемены в организме сводили ее с ума. За ночь приходилось по два раза менять мокрые, пропотевшие насквозь простыни. Припадки гнева чередовались с приступами отчаяния. Ей никого не хотелось видеть. Некоторые привычные ткани стали раздражать кожу, и ей казалось, что это вызывает приливы жара и, в свою очередь, слезливость, нервозность и тому подобные прелести. За два года она набрала девять килограммов. Что бы из одежды она ни покупала, ей не подходило либо по размеру, либо по фасону или цвету. Ей было неловко в собственной коже, особенно когда приходилось выступать на собраниях перед коллегами-мужчинами, что прежде ей даже нравилось. Каждый мужчина, казалось, знает, каждый из присутствующих видит, как полыхают ее красная шея и потное лицо, а одежда вдруг облепляет кожу посреди презентации или делового обеда. Она не хотела, чтобы на нее смотрели. Ей хотелось исчезнуть.

Иногда по вечерам она видит красивые молодые тела в коротких платьицах, на высоченных шпильках, извивающиеся на танцполе под песни, которые она знает наизусть и может подпеть с любого места, потому что она все еще живет на этой

неблагоклонной планете. Ровесники-мужчины, конечно, пожирают глазами этих девиц, а на нее, как обычно, не обращают внимания.

И поскольку она пока здесь, она чего-нибудь да стоит и ей есть что предложить миру, хотя, может быть, она и неправа.

«Прозрачная женщина» и «Исчезающая женщина» — так прозвали ее журналисты. Она стала мировой знаменитостью. Эксперты со всех концов земли стремятся сюда, чтобы изучить ее тело и мозг, но никому из них пока не удалось разгадать ее загадку — несмотря на сотни ученых статей, награды и аплодисменты в их честь.

За шесть месяцев, проведенных в клинике, от нее осталась одна призрачная тень. Силы ее на исходе. Она знает, что помочь ей почти невозможно. Каждый новый эксперт прибывает, полный воодушевления, и уезжает поникший и сраженный, и всякий раз, наблюдая гибель очередной надежды, она чувствует, как ее собственная стремится к нулю.

— Вы не хотите открыть? — спрашивает Рада.

Она подходит к кровати и садится.

— Отчего вам так не терпится?

Она часто получает почту — не меньше дюжины писем в неделю. Кто ей только не пишет — спецы, предлагающие помощь за деньги, разные психи и религиозные фанатики, желающие совершить над ней обряд изгнания дьявола, извращенцы, которые хотят пощекотать с невидимой женщиной свою больную чувственность.

Хотя, надо признать, конверт необычно приятен на вид и на ощупь — и в этом есть что-то обнадеживающее, утешительное. Ее имя написано четкими каллиграфическими буквами...

— Я уже видела такие конверты, — говорит Рада, возбужденно хватая ее за руку.

Она аккуратно вскрывает конверт и достает короткое послание, написанное от руки на бумаге цвета пепельной розы.

— Профессор Элизабет Монтгомери! — хором восклицают они.

— Я так и знала, — говорит Рада, снова сжимая ей руку.

— Я здесь, я здесь, я здесь, — повторяет она, пока команда медиков сопровождает ее из палаты в машину, которую прислала за ней доктор Монтгомери. Неизвестно, что ее там ждет. Помимо Рады проводить ее пришли еще несколько медсестер, сроднившихся с ней за полгода. Некоторые, впрочем, не пришли — в знак протеста против ее отъезда на лечение к доктору Монтгомери — и это после того, как они пеклись о ней как о родной целых шесть месяцев.

— Я в машине, — тихо говорит она, и дверь закрывается.

На подъезде к местечку Провинстаун, что на мысе Код, ее страхи и сомнения исчезают — она вдруг чувствует, что все будет хорошо. Особенно когда она видит доктора Монтгомери, которая ждет ее у дверей своей клиники, некогда бывшей

заброшенным маяком. Теперь же это огромный символ надежды.

Водитель открывает дверь, и она выходит.

— Я здесь, я здесь, я здесь, — твердит она, поднимаясь наверх по тропинке.

— Что вы такое говорите? — удивляется доктор Монтгомери, поприветствовав ее.

— Меня так научили в больнице, — робко отвечает она, — чтобы люди знали, где я.

— Нет, у меня так не говорят, — раздражается доктор.

Сначала она огорчается, потому что она ухитрилась опозориться, едва выйдя из машины, и ее отчитали, но это быстро проходит, потому что профессор Монтгомери смотрит ей прямо в глаза, покрывает ей плечи теплым кашемировым пледом и уводит с собой в маяк. Следом водитель несет чемодан. Впервые за долгое время она встрети-лась с кем-то взглядом, если не считать кошки, жившей в университетском городке.

— Добро пожаловать на маяк Монтгомери-авангард, — говорит хозяйка, проводя ее в дом. — Конечно, звучит немного напыщенно, но это название сюда прикипело. Сначала я просто назвала это место «Приют для женщин Монтгомери», но вскоре передумала, потому что «приют» — уж слишком депрессивное слово, в приюте скрываются от трудностей, опасностей, неудач. В приют бегут, чтобы спрятаться, спастись, уберечься и все в таком роде. Нет, у нас тут